

М. ГОРЬКИЙ

Жил-был самовар...

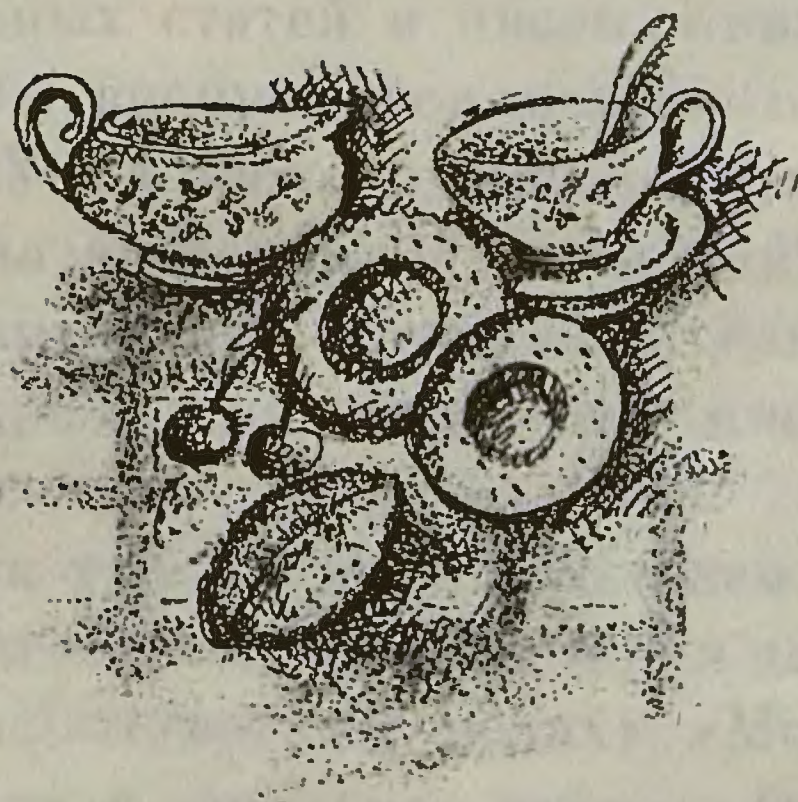
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

М. ГОРЬКИЙ

Жил-был самовар...

Рассказы,
сказки

Рисунки Л.Тарлызов

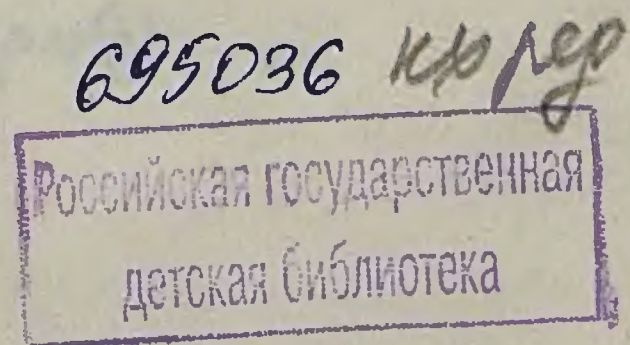
МОСКВА — «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» — 1985

P2
Г71

Составление и вступительная статья
ВЛАДИМИРА ПРИХОДЬКО

Г 4803010101—039 225—85
М101(03)85

© Иллюстрации, состав, вступит. статья.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

«Мі́лый Макси́м Го́рький... пришлі́ мне сказа́нку...»

И как это бывает, спросите вы, что взро́слый писа́тель вдруг ни с того ни с сего́ садится писа́ть для ма́леньких — ну вот как Го́рький?

Да, всё со́бранное в этой кни́жке вели́кий ру́сский писа́тель Алексе́й Макси́мович Го́рький написа́л для дете́й. Но ра́зве вы́шло это вдруг, ни с того ни с сего́?

Извёстно, что Го́рький сде́лал для дете́й о́чень мно́го хоро́шего: организовáл пёрвое в ми́ре специа́льное де́тское изда́тельство и пёрвый сове́тский журна́л для ребят; написа́л нема́ло замеча́тельных статей и пи́сем, призывáл дете́й «всё ви́деть, всё изуча́ть, воору́жаться зна́ниями и не брэзговать ника́ким трудо́м». Учи́л жить дру́жно, рабо́тать вёсело, учи́ться крёпко. Посыла́л незнако́мым де́тям кни́ги, тетра́ди, ма́рки, откры́тки, карандаши́; устраи́вал ёлки, катки́. Подде́рживал и поощря́л мно́гих де́тских писа́телей, писа́л о де́тской литерату́ре.

Сам он был, как уже́ сказа́но, писа́телем взро́слым. И всё же мы нахо́дим у него́ произведе́ния и для дете́й. Автобиогра́фические по́вести «Де́тство», «В лю́дях», «Моё́ университе́ты» давно́ прóчно вошли в шко́льное чтéние. О тяжёлой судьбе́ дете́й ста́рой Росси́и Го́рький написа́л расска́зы «Дед Архи́п и Лёнька», «Сирота́», «Встря́ска», «Ни́щенка». Полны́ де́тскости и ве́ры в бу́дущее его́ «Сказа́нки об Ита́лии».

Все э́ти произведе́ния, ска́жете вы, не́ были напи́саны специа́льно для ребят. Ве́рно, не́ были. Не дошко́льники, не мла́дшие шко́льники чита́ют их, а ребята постáрше. И с э́тим нельзя́ не согласи́ться.

Но вòт остроумные стихи об итальянской зиме; их Гóрь-
кий послáл своему маленькому сыну Макси́му:

«Ка́ждый день — дожди́ и бу́ри!
В бе́лой пéне весь зали́в,
Во́ют ста́и зло́бных фу́рий,
Го́ры сне́гом посолíв.
Погиба́ю от озно́ба,
Я гото́в в Везу́вий сесть!
И — мечта́ю: хорошо́ бы
За́втра у́тром — со́лнце съесть!
Но — зате́м ли от приро́ды
Рот и зу́бы мне даны́,
Чтоб лиши́л я все наро́ды
Со́лнца, све́та и весны́?»

А э́то — письмо́ маленьким вну́чкам Ма́рфе и Да́рье:

«Дороги́е мои́ де́ти!
Очень тру́дно жить на све́те!
Всю́ду — па́пы и́ли ма́мы,
Непослу́шны и упря́мы.
Хо́дят ба́бушки и де́ды
И рыча́т как людое́ды.
И ку́да вы ни пойдёте —
Всю́ду дя́ди и́ли те́ти.
И вездé учителя́
Хо́дят, взо́ры веселя́.
Хо́дят, ка́шляют — следя́т:
Кто бойче́е из ребя́т?
А заме́тят: ма́льчик бо́ек,
Так ему́ наста́вят дво́ек.
На носá наде́в очки́,
Смо́трят: где тут де́вочки?»

И, шага́я, как верблю́ды,
Ста́вят де́вочкам «неу́ды».
Дороги́е мой де́ти!
Тяжелы́ порядки э́ти!»

Стихи́ сы́ну и вну́чкам, ска́жете вы, — понятнó. Го́рький сы́на любíл; когда́ разлуча́лся с ним, писа́л ему́ пи́сьма. А что́бы ма́льчика развлéчь, да́же стихи́ сочинíл. И с вну́чками то́же всё я́сно. Появи́лись вну́чки, Го́рький и им написа́л весёлое послáние. Писáтель он был замечáтельный, вот и послáние мíлым девчу́ркам, девчура́шкам, девчурёнкам, девчуго́нам, девчурóхам, девчу́гам (так ла́сково назывáл их деду́шка) получи́лось чудéсное, смешно́е. А расска́зы и ска́зки? Почему́ Го́рькому пришлó на ум сочинíть их?

И вéрно — почему́?

Ока́зывается, у его́ расска́зов для дете́й есть своя́ исто́рия. Она́ то́же как расска́з. Всё в э́том расска́зе пра́вда.

Бы́ло так.

На ю́ге Ита́лии произошлó землетрясéние. Это случи́лось 15 декаб́ря 1908 го́да. В шестóм часу́ утра́, все ещё крéпко спа́ли, — тут и началóсь. Че́рез нéсколько мину́т го́род Мессíна ужé лежа́л в разва́линах. От подзёмных толчко́в Мессíне и прéжде доставáлось, но сейча́с го́род пострада́л о́собенно си́льно. Да́же бо́льше, чем во вре́мя извёстного землетрясéния 1783 го́да. Ты́сячи люде́й поги́бли. А ра́неных нельз́я бы́ло и сосчита́ть.

Мессíна — порт. Все суда́, находя́вшиеся побли́зости, подплы́ли к бе́регу. Ста́ли на я́корь и ру́сские корабли — «Богаты́рь», «Сла́ва», «Адмира́л Мака́ров». Рискую́я жи́знью, матро́сы ста́ли спаса́ть жи́телей го́рода.

Нау́тро в Мессíну приéхал Го́рький. Он жил в ту по́ру неподалёку, на о́строве Ка́при. Рабо́тал там и лечи́лся.

Ужасная картина человеческого бедствия не могла оставить равнодушным Алексея Максимовича. Взволновал его и героизм тех, кто помогал пострадавшим.

«Нет слов, чтобы рассказать, — писал Горький, — с каким самоотвержением работали русские матросы. Где только было опаснее всего, куда никто не решался идти, они шли и спокойно делали своё дело... Удивительно трогательно относились они к детям и женщинам».

«А что я могу сделать для пострадавших? — думал писатель. — Они нуждаются в лекарствах, одежде, деньгах. Им надо строить новые дома, чтобы жить дальше».

В руках Горького было могучее оружие — слово. Его книги разошлись по свету. Читатели в разных странах прислушивались к горьковскому слову. Они знали: он любит людей и желает им добра. И Горький обратился ко всему миру: придите на помощь Италии. Люди откликнулись на его призыв. В Мессину стали посылать деньги и вещи. Многие добровольные пожертвования приходили в адрес Горького.

Однажды из России прибыли деньги и письмо, написанное детским почерком. Горький прочитал письмо. Незвестные ему малыши из Байлова (предместье Баку) писали: «Пожалуйста, передайте наши деньги... писателю Максиму Горькому для мессинцев». Письмо было подписано: «Школа шалунов».

Откуда же эти шалуны взяли деньги? Они заработали их сами! Поставили спектакль, а билеты распродали взрослым. Детей руководила Алиса Ивановна Радченко, хорошая, умная учительница, впоследствии работавшая и дружившая с Надеждой Константиновной Крупской.

В конверте была фотография двенадцати участников представления.

Горький ответил:

«Дорогіе дѣти!

Я получилъ собранныя вами деньги для мессинцевъ и сердечно благодарю васъ за всехъ, кому вы помогли.

Отъ души желаю для васъ, хорошіе маленькіе люди, — будьте всю жизнь такъ же чутки и отзывчивы къ чужому горю, какъ были вы въ этомъ случаѣ.

Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужнымъ и близкимъ людямъ!

Это — правда, не забывайте её, и она дастъ вамъ неизмеримое счастье.

Васъ 12; — на память объ Италіи, прекрасной странѣ, которую я желаю вамъ увидѣть когда-либо, — посылаю вамъ дюжину открытокъ.

Будьте здоровы, любите другъ друга и — побольше дѣлайте шалостей, — когда будете старичками и старушками — станете съ весёлымъ смѣхомъ вспоминать о шалостяхъ.

Крепко жму ваши лапки, да будутъ онѣ честны и сильны по вся дни жизни вашей!..»

Тогда дѣти изъ «Школы шалуновъ» — Боря, Витя, Гюнт, Дима, Фёдя, Джеффри, Жёня, Ирена, Лёна, Ліза, Мёма, Мёра, Нора, Павелъ и Эльза — прислали Горькому по письму.

В письмѣ шестилѣтнего Фёди говорилось: «У насъ въ школѣ есть 3 главныхъ шалуна: Джеффри, Боря и Фёдя. Притомъ я большій линтяй».

Джеффри написалъ ещё короче: «Я упалъ въ бассейнъ. Ура!» — и проиллюстрировалъ своё сообщеніе рисункомъ.

А Боря написалъ: «Дядя Алёша! Я тебя люблю, есть ли у тебя лошадь, корова и быкъ? Напиши намъ рассказъ про воробьишку. И ещё напиши намъ какой-нибудь выдуманнѣйшій рассказъ, чтобы мальчикъ удилъ рыбу. Я тебя целую... Я бы хотѣлъ тебя увидѣть».

Горькій и на этотъ разъ не оставилъ безъ отвѣта письма

своих маленьких друзей, только пожурил шестилетнего Фёду, что он вместо «лентяй» написал «линтяй». Во втором письме шалунам он признавался:

«Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка, маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку... потом нянчил ещё двух ребят; и, наконец, когда мне было лет 20 — я собирал по праздникам ребятшек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера.

Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырёх и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли уже идти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие, и я их превосходно тащил по полю домой. Чудесно!»

Дети были в восторге от горьковских писем. «Дорогой мой Горький! — писала Нора. — Письмо твоё очень ласковое. Мама и папа тебя любят, и я тоже. ...Я девочка, но я надеваю мальчишистое платье, так мне удобно». Лиза спрашивала: «Как выживаете? Что делают мессинцы?» Витя интересовался природой: «Есть ли в море, которое окружает Капри, губки? Сколько в Капри вдоль и поперёк вёрст? Как называется море, окружающее Капри?» Семилетний Павка писал: «Миленький Максимушка Горький! Чтобы порадовать тебя, посылаю тебе письмишко. Я очень люблю читать и, возвратясь из школы, где мне очень весело, сажусь за книгу. Я читаю про всякие растения и животные, их жизнь очень интересна. Ты писал нам, что мы все курносые, а я видел твою карточку, на ней ты сам курносый, чему я очень рад».

А Горький говорил, что, получив письма детей, он «хо-

хотал от радости так, что все рыбы высунули носы из воды — в чём дело?».

Но самое интересное, что Горький выполнил просьбу мальчика (одного из трёх главных шалунов): написал и про воробьишку, и про юного рыболова!

В рассказе про воробьишку всё будто бы просто. Маленький Пудик не хотел слушаться родителей и чуть не попал кошке в лапы. Что же выходит: слушайтесь маму и папу и всё будет в порядке? Так, да не совсем. Горький вовсе не бранит Пудика, а симпатизирует ему. Благодаря своей дерзости птенец научился летать. И на осуждающее мамино «что, что?» (видишь, мол, что бывает, если не слушаться?) птенец отвечает убедительно и мудро: «Всему сразу не научишься!» Мама-воробейха поплатилась за самостоятельность Пудика собственным хвостом. Да, бывает и так.

А про рыболова — «выдуманый» рассказ. Мальчик Евсейка чудесным образом попадает на морское дно, разговаривает с рыбами. Правда, потом мы узнаём, что Евсею всё это приснилось в душный дремотный день, но это не мешает перечитывать и переживать чудеса заново.

Обратите внимание: в каждом рассказе есть стихи. Какую забавную дразнилку придумал для «бескрылого человека» Пудик! А так рыбы дразнят рака:

«Под камнями рак живёт,
Рыбий хвостик рак жуёт,
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух».

Они, как бы между прочим, «агитируют» рака заняться мухами, а рыб оставить в покое...

Евсейка, глядя на рака, тоже вспоминает стихи: «Дом, — не тележка у дядюшки Якова...» Это первая строка стихотво-

рѣнія Некрѣсова про сѣльскаго торгѣвца: какъ ракъ со своѣй раковинѣй, онъ ѣздилъ по деревнѣямъ съ телѣжкой.

Изъ письма шалунамъ ясно, какъ была написана истѣорія съ самовѣромъ.

«Я хотѣ и не ѳчень мѳлодъ, — лукаво замечѣалъ Гѳрькій, — но не скѣчный пѣрень, и умѣю недѣрно показывать, что дѣлается съ самовѣромъ, въ которѣй положили горячихъ ѣглей и забыли налѣть вѳду».

Вѣдно, Гѳрькій придѣумалъ ѣту истѣорію въ время встречъ съ дѣтѣмѣй. И въ концѣ концовъ записѣалъ еѣ.

Воробѣйшко Пѣдикъ любѣлъ прихвастнѣуть. Но до самовѣра емѣу далекѳ. Вотъ ѣто хвастѣун! Всѣкую мѣру забылъ. И въ окѳшко онъ вѣпрыгнетъ, и на лунѣ жѣнится, и ѳбѣзанности сѳлнца на себѣ возьмѣтъ!

Хвастовствѳ до добра не доводитъ. Самовѣръ развѣливается на кускѣй: вѳду-то въ него налѣть забыли. Чѣшки радуются бесслѣвной гѣбели хвастуна самовѣрко, и читѣтелямъ вѣсело.

Посылѣя «Самовѣръ» дѣтѣямъ своѣй знакомѣй, Гѳрькій сообщѣалъ имъ, что написалъ его «собственнорѣчно и нарѳчно» для
«Тѣты, Лѣли и Бѳбы,

чтобѣ

онѣ любѣли меня,

потомѣу что

хотѣ

я

человѣкъ невѣдимый,

но могѣу писѣть

рѣзные рассказы

о таракѣнахъ,

самовѣрахъ,

дѣдушкахъ домовѣхъ,

слонáх

и прóчих насекомых.

Да!..»

Скáзку про ўтро Гóрький тóже написáл по прóсьбе ребёнка.

В 1910 годú умер великий писáтель Лев Никола́евич Толсто́й. Эту гру́стную весть услы́шал ма́льчик Илю́ша Фре́нкель. Илю́ша прóжил на землѣ семь лет и ещё не задúмывался над тем, что писáтели — тóже лúди и, как все лúди, смёртны. Он спроси́л у отца:

— А Пу́шкин, Некра́сов, Ле́рмонтов, Крыло́в, Тургéнев — все ужé умерли? Значит, никто́ не оста́лся?

Ма́льчику рассказа́ли о Гóрьком. На друго́й день он написáл Гóрькому письмó:

«Ми́лый Макси́м Гóрький, все писáтели умерли, ты оди́н живóй. Пришли́ мне скáзку и письмó. Целúю теб́я. Твой Илю́ша. Мой áдрес: Екате́ринбу́рг, Клу́бная ул., № 8».

Че́рез две и́ли три неде́ли пришёл пакéт для Илю́ши. Гóрький писáл:

«Дорого́й мой Илю́ша!

Да, Толсто́й челове́к — умер, но вели́кий писáтель — жив. он — навсегда́ с на́ми. Че́рез не́сколько лет, когда́ ты бу́дешь постáрше и сам начнёшь чита́ть прекра́сные кни́ги Толсто́го, ты, ми́лый ма́льчик, с глубо́кой ра́достью почу́вствуешь, что Толсто́й — бессме́ртен, он — с тобо́й, и вот — да́рит тебе́ часы́ наслажде́ния его́ иску́ством.

А ещё, Илю́ша, есть превосхо́днейший писáтель Влади́мир Короле́нко, и я сове́тую тебе́: попроси́ па́пу, пусть он прочита́ет вслух для теб́я ма́ленький рассказ Короле́нко «Ста́рый звона́рь».

Благода́рю теб́я за письмó, посыла́ю тебе́ скáзку, как ты проси́л, и не́сколько откры́ток с ви́дами Ка́при».

Этой сказкой, славящей детство, и было «Утро». Детство — утро жизни, оно быстро проходит, давайте его ценить, говорил Горький.

А в рассказе про мальчика Мишу, тоже включённом в эту книжку, он советовал всем, а особенно мамам и папам, относиться к детям понежней, повнимательней.

Сказку про Иванушку-дурачка Горький в детстве слышал от бабушки. Он по-своему пересказал её для «Ёлки» — одной из первых советских книг для детей. Иванушка получился у Горького развесёлым шутником: «что ни сделает, всё у него смешно выходит...» Наверно, он просто прикинулся дурачком, чтоб веселее было. После каждой его шутки смеются даже суровые лесные великаны — медведи. И вскоре медведица, точно крестьянка, по-домашнему просит мужа: «Миша, ты бы помог ему!»

Сам Иванушка убеждён, что глупость непременно связана со злом. Чтобы узнать, умён ли медведь, Иванушка выясняет у него:

«— Ты — злой?

— Нет. Зачем?

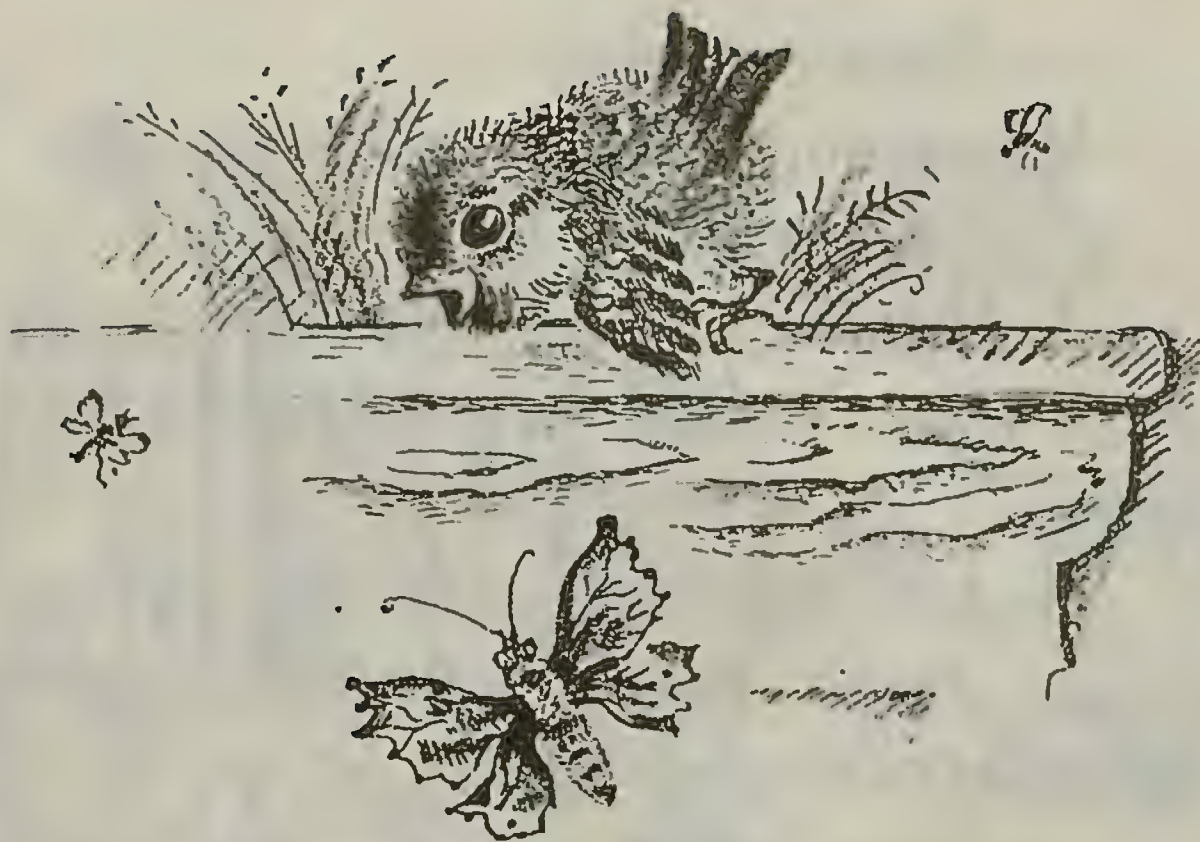
— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем.

— Ишь ты, как вывел! — удивился медведь».

Горький знал цену настоящей, умной доброте. Его расстрогал поступок байловских ребят, и то, что семилетний мальчик задумался о смерти гения России, испугался остаться без писателей. И Горький отблагодарил хороших маленьких людей так, как мог отблагодарить только он.

И вы — те, кто сейчас держит в руках эту книжку и радуется ей, — должны знать: это его подарок малышам — за чуткость и отзывчивость.

Владимир Приходько

ВОРОБЬИШКО

У воробьёв совсѣм так же, как у людей: взрѣслые воробьѣи и воробьѣихи — пичужки скучные и обо всѣм говорят, как в книжках написано, а молодѣжь — живѣт своим умом.

Жил-был желторѣтый воробѣй, звали его Пудик, а жил он над окѣшком бани, за вѣрхним налѣчником, в тёплом гнѣздѣ из пакли, моховѣнок и других мягких материáлов. Летать он ещѣ не пробовал, но ужѣ крѣльями махал и всѣ выглядывал из гнѣзда: хотѣлось поскорѣе узнать, что такое бѣжий мир и годѣтся ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробѣиха-мáма. Он потряхивал крѣльями и, глядя на зѣмлю, чирѣкал:

— Чересчур черна́, чересчур!

Прилетал папáша, приносил букашек Пудикy и хвáстался:

— Чив ли я?

Ма́ма-воробьи́ха одобря́ла его́:

— Чив-чи́в!

А Пу́дик глота́л бука́шек и ду́мал:

«Чем чва́няются — червяка́ с но́жками да́ли — чу́до!»

И всё высóвывался из гнезда́, всё разгля́дывал.

— Ча́до, ча́до, — беспоко́илась мать, — смотре́й — чебура́хнешься!

— Чем, чем? — спра́шивал Пу́дик.

— Да не чем, а упаде́шь на зе́млю, ко́шка — чик! и — сло́пает! — объясня́л оте́ц, улетая́ на охóту.

Так всё и шло, а кры́лья расти́ не торопи́лись.

Поду́л одна́жды ве́тер — Пу́дик спра́шивает:

— Что, что?

— Ве́тер ду́нет на тебя́ — чирк! и сбро́сит на зе́млю — ко́шке! — объясни́ла мать.

Это не понра́вилось Пу́дику, он и сказа́л:

— А заче́м дере́вья кача́ются? Пу́сть переста́нут, тогда́ ве́тра не бу́дет...

Про́бовала мать объясни́ть ему́, что это не так, но он не пове́рил — он люби́л объясня́ть всё по-сво́ему.

Иде́т ми́мо ба́ни мужи́к, маха́ет рука́ми.

— Чи́сто кры́лья ему́ оборвала́ ко́шка, — сказа́л Пу́дик, — одни́ ко́сточки оста́лись!

— Это челове́к, они́ все бескры́лые! — сказа́ла воробьи́ха.

— Почему́?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробья за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробья отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Леті́, Пу́дик, леті́ на окно́, леті́...

Страх припо́днял с земли́ воробьи́шку, он подпры́гнул, замахáл кры́льями — раз, раз, и — на окне́!

Тут и ма́ма подлете́ла — без хвоста́, но в большо́й ра́дости, се́ла рядом с ним, клю́нула его́ в заты́лок и говори́т:

— Что, что?

— Ну что ж! — сказа́л Пу́дик. — Все́му́ сразу́ не на́учишься!

А ко́шка сиді́т на земле́, счища́я с ла́пы воробьи́хины пе́рья, смóтрит на них — ры́жая, зелёные гла́за — и сожа́лительно мя́укает:

— Мя́-аконький тако́й воро́бушек, сло́вно мы́шка... мя́-увы...

И всё ко́нчилось благополу́чно, е́сли забы́ть о том, что ма́ма оста́лась без хвоста́...

695036

Российская государственная
детская библиотека

СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ

Одна́жды ма́ленький ма́льчик Евсе́йка, — о́чень хоро́ший челове́к! — си́дя на бере́гу мо́ря, уди́л ры́бу.

Это о́чень скучное де́ло, е́сли ры́ба, капри́зная, не клюёт. А день был жа́ркий; стал Евсе́йка, со ску́ки, дрема́ть и — булты́х! — свали́лся в во́ду.

Свали́лся, но ниче́го, не испуга́лся и плывёт ти-хо́нько, а пото́м нырну́л и то́тчас дости́г морско́го дна.

Сел на ка́мень, ма́гко покрýтый ры́жими во́доросля́ми, смóтрит вокрýг — о́чень хоро́шо!

Ползёт не торо́пясь а́лая морска́я зве́зда, соли́дно хóдят по ка́мням уса́тые лангýсты, бо́ком-бо́ком двíгается краб; вездé на ка́мнях, то́чно крýпные ви́шни, рассу́яны акти́нии, и всю́ду мно́жество вся́ких

любопытных штук: вот цветут-качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, и над её тяжёлым щитом играют две маленькие зелёные рыбки, совсем как бабочки в воздухе, и вот по белым камням везёт свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стих вспомнил:

Дом, — не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг, слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит — над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно её уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсей.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает:

«Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбка и — смеётся, разговаривает:

— Глядите-ко! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— Чешуй — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплыва́ют прямо́ к но́су и дразнятся:

— Хоро́ш-хоро́ш!

Евсе́йка оби́делся: «Вот наха́лки! Бۇ́дто не пони́мают, что пред ни́ми настоя́щий челове́к...»

И хо́чет пойма́ть их, а оні́, уплыва́я из-под рук, резвя́тся, толка́ют друг дру́га носáми в бока́ и пою́т хо́ром, дразня́ большо́го ра́ка:

Под камня́ми рак живёт,
Ры́бий хвóстик рак жуёт.
Ры́бий хвóстик о́чень сух,
Рак не зна́ет вку́са мух.

А он, свире́по шевеля́ уса́ми, ворчи́т, вытя́гивая клешни́:

— Попада́йтесь-ка мне, я вам остригú язы́ки-то!

«Серьёзный како́й», — подúмал Евсе́йка.

Больша́я же ры́ба пристаёт к немú:

— Отку́да э́то вы взя́ли, что все ры́бы — неме́ые?

— Па́па сказа́л.

— Что тако́е — па́па?

— Так себе́... Вро́де меня́, то́лько — побóльше, и усы́ у него́. Если не се́рдится, то о́чень ми́лый...

— А он ры́бу ест?

Тут Евсе́йка испуга́лся: скажи́-ка ей, что ест! По́днял глаза́ вверх, ви́дит сквозь во́ду му́тно-зеле́ное не́бо и со́лнце в нём, жёлтое, как ме́дный подно́с; подúмал ма́льчик и сказа́л неправду:

— Нет, он не ест ры́бы, костля́вая о́чень...

— Одна́ко — како́е неве́жество! — оби́женно вскрича́ла ры́ба. — Не все же мы костля́вые! Напри-
ме́р — моё семе́йство...

«На́до перемене́ть разгово́р», — сообрази́л Евсе́й и ве́жливо спра́шивает:

— Вы быва́ли у нас наверху́?

— Очень ну́жно! — сердито́ фы́ркнула ры́ба. — Там дыша́ть не́чем...

— Зато́ — му́хи какие́...

Ры́ба оплыла́ вокру́г него́, остано́вилась пра́мо про́тив но́са да вдруг и говори́т:

— М-ух-хи? А вы заче́м сюда́ приплы́ли?

«Ну, начина́ется! — подумал Евсе́йка. — Съест она́ меня́, ду́ра!»

И, бу́дто бы беззабо́тно, отве́тил:

— Так себе́, гуля́ю...

— Гм? — сно́ва фы́ркнула ры́ба. — А мо́жет быть, вы — уже́ уто́пленник?

— Вот ещё! — оби́женно кри́кнул ма́льчик. — Ниско́лько да́же! Я вот сейча́с вста́ну и...

Попро́бовал встать, а — не мо́жет: то́чно его́ тяжёлым одея́лом оку́тали — ни поворо́титься, ни пошевели́ться!

«Сейча́с я начну́ пла́кать», — подумал он, но то́т-час же сообрази́л, что, плачь не плачь, — в воде́ слёз не ви́дно, и реши́л, что не сто́ит пла́кать, — мо́жет быть, ка́к-нибудь ина́че уда́стся вы́вернуться из э́той неприятной исто́рии.

А вокрúг — гóсподи! — собралóсь рáзных морскíх жíтелей — числá нет! Нá ногу взбírается голотúрия, похóжая на плóхо нарисóванного поросёнка, и шипíт:

— Желáю с вáми познакóмиться побли́же...

Дрожít перед нóсом морскóй пузы́рь, дúется, пыхтít, — укоря́ет Евсéйку:

— Хорóш-хорóш! Ни рак, ни рýба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодíte, я, мóжет, ещё авиáтором бúду, — говорít ему́ Евсéй, а на колéни его́ влез лангúст и, ворóчая глазáми на нíточках, вéжливо спра́шивает:

— Позвóльте знáть, котóрый час?

Проплылá мíмо сéпия, совсём как мóкрый носовóй платóк; вездé мелькáют сифонофóры, тóчно стеклянны́е шарíки, одно́ úхо щекóчет кревётка, друго́е — тóже щúпает ктó-то любопы́тный, дáже по головё путешéствуют мáленькие рачкí, — запúтались в волосáх и дёргают их.

«Ой, ой, ой!» — восклíкнул про себя́ Евсéйка, старáясь смотре́ть на всё беззабóтно и лáсково, как пáпа, когда́ он виновáт, а мамáша сёрдится на него́.

А вокрúг в водé повíсли рýбы — мнóжество! — повóдят тихóнько плавникáми и, вýtарачив на мáльчика крúглые глазá, скúчные, как álгебра, бормóчут:

Как он мóжет жить на свéте без усóв и чешу́й?

Мы бы, рýбы, не могли́ бы раздвойть хвосты́ свой!

Не похóж он ни на рáка, ни на нас — весьмá во мнóгом!

Не родня́ ли это чúдо безобра́зным осьминóгам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четверки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится... У меня дома... тоже очень хорошо, — ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывёмте навёрх! — предложил Евсей.

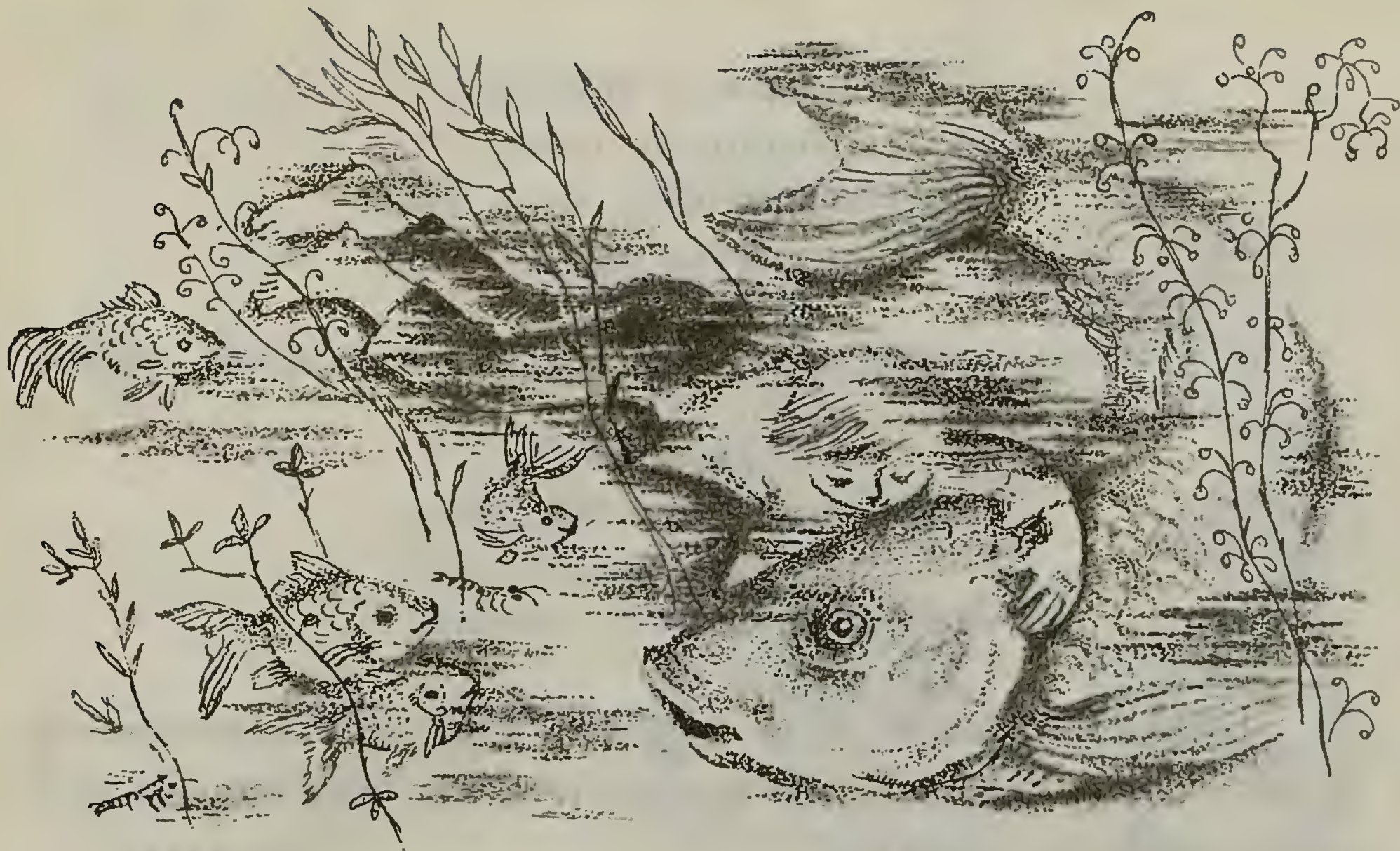
— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, — мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну что ж? Поплывём! — сказа́ла ры́ба, пере-
верну́вшись голово́й вверх, а Евсе́й то́тчас цап её за
жа́бры и кричи́т:

— Я — гото́в!

— Сто́йте! Вы, чу́дище, сли́шком засу́нули свои́
ла́пы в жа́бры мне...

— Ничего́!

— Как э́то — ничего́? Порядочная ры́ба не мо́жет
жить не дыша́.

— Го́споди! — вскрича́л ма́льчик. — Ну что вы
спо́рите всё? Играть так играть...

А сам ду́мает:

«Лишь бы то́лько она́ меня́ немно́жко подтащи́ла
навёрх, а там уже́ я вынырну».

Поплыла́ ры́ба, бу́дто танцу́я, и поёт во всю мочь:

Плавника́ми трепеца́,
И зуба́ста, да тоща́,
Пи́щи на обе́д ища́,
Хо́дит щу́ка вкруг леща́!

Ма́ленькие рыбёшки кру́жатся и хо́ром ору́т:

Вот так шту́ка!
Тщётно тщи́тся щу́ка
Ущеми́ть леща́!
Вот так э́то — шту́ка!

Плы́ли, плы́ли, чем вы́ше — тем всё быстрее и
лёгче, и вдруг Евсе́йка почувствовал, что голова́ его́
вы́скочила на во́здух.

— Ой!

Смо́трит — ясный день, со́лнце игра́ет на воде́, зе-
лёная вода́ заплёскивает на бе́рег, шуми́т, поёт; Ев-
се́йкино уди́лище пла́вает в мо́ре, далеко́ от бе́рега, а
сам он сиди́т на том же ка́мне, с кото́рого свали́лся,
и уже́ весь сухо́й!

— Ух, — сказа́л он, улыба́ясь со́лнцу, — вот я и
вынырнул.

САМОВАР

Было это лётней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

— Замечаете ли, чайник, что луна

Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало — вот он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начинал закипать; это ему не нравилось, — вот он поднимал рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

— На тебѣ луна́
Смóтрит свысока́,
Как на чудака́, —
Вот тебѣ и — на́!

Самовáр фы́ркает па́ром и ворчи́т:

— Во́все нет. Мы с ней — сосéди,
Да́же не́сколько родня́:
Оба сде́ланы из ме́ди!
Но она́ — тусклéй меня́,
Эта ры́жая луні́шка, —
Вон на ней ка́кие пята́!
— Ах, ка́кой ты хвастуні́шка,
Да́же слу́шать неприятно! —

зашипéл чайник, то́же выпуска́я из ры́льца го-
ря́чий пар.

Этот ма́ленький самовáр и впра́вду о́чень люби́л
хва́статься; он счита́л себя́ ўмницей, красáвцем; ему́
давно́ уже́ хоте́лось, чтоб луну́ сня́ли с не́ба и сде́лали
из неё подно́с для него́.

Форси́сто фы́ркая, он бۇ́дто не слы́шал, что ска-
за́л ему́ чайник, — поёт себе́ во всю мочь:

— Фух, как я горя́ч!
Фух, как я могу́ч!
Захочу́ — прыгну́, как мяч,
На луну́ вы́ше туч!

А чайник шипи́т своё:

— Вот извольте говорить
С эдакой особой.
Чем зря воду-то варить,
Ты — прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь
и дрожит, гудит:

— Покиплю ещё немножко.
А когда наскучит мне, —
Сразу выпрыгну в окошко
И женюсь на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать
всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

— Она тебя круглэй.
— Зато в ней нет углэй, —

отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки,
сказал пустой стеклянной сахарнице:

— Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!
— Да, их болтовня
Раздражает и меня, —

ответила сахарница сладеньким голосом. Она была
толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник —
так себе: горбатенький господин унылого характера
с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь пе-
чальное.

— Ах, — сказа́л он, —

Всю́ду — пу́сто, всю́ду — су́хо,
В самова́ре, на луна́.

Са́харница, поёживши́сь, закрича́ла:

— А в меня́ залёзла му́ха
И щеко́чет стёнки мне...
Ох, ох, я бою́сь,
Что сейча́с засмею́сь!
— Это бу́дет стра́нно —
Слы́шать смех сте́клянный... —

неве́село сказа́л сли́вочник.

Просну́лась чума́зая туши́лка и зазвене́ла:

— Дзинь! Кто э́то шипи́т?
Что за разгово́ры?
Да́же кит но́чью спит,
А уж по́лночь ско́ро!

Но, взгляну́в на самова́р, испуга́лась и звени́т:

— Ай, лю́ди все ушли́
Спать и́ли шля́ться,
А ве́дь мой самова́р
Мо́жет распая́ться!
Как о́ни мо́гли забы́ть
Обо мне, туши́лке?
Ну, приде́тся им тепе́рь
Почеса́ть заты́лки!

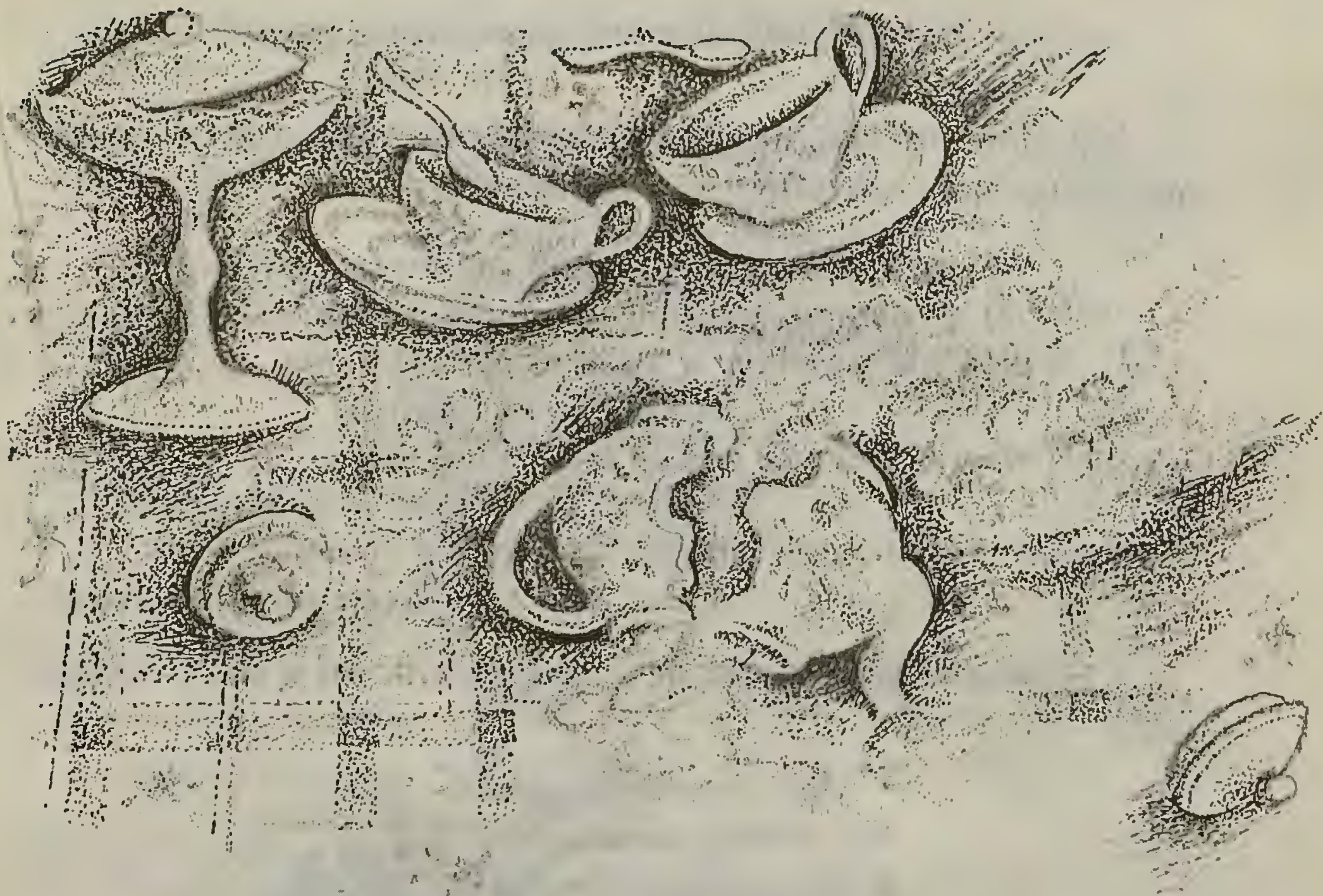
Тут просну́лись ча́шки и дава́й дребезжа́ть:

— Мы скромные ча́шки,
Нам всё — всё равно́!
Все э́ти зама́шки
Мы зна́ем давно́!
Нам ни хо́лодно, ни жа́рко,
Мы приви́кли ко всему́!
Хвасту́н самова́рко,
И не ве́рим мы ему́!

За́ворча́л ча́йник:

— Ф-фу, как горячо́,
Жа́рко мне отча́йно.
Это не случа́йно,
Это чрезвычайно́!

И — лóпнул!

А самовáр чýвствовал себя совсём плóхо: вода в нём давнó вся вы́кипела, а он раскали́лся, кран у него отпая́лся и повис, как нос у пьяного, одна́ рúчка тóже вы́вихнулась, но он всё ещё храбрíлся и гудёл, гля́дя на лунú:

— Ах, будь она́ яснéй,
Не пря́чься она́ днём,
Я подели́лся б с ней
Водо́ю и огнём!
Она́ со мной тогда́
Жила́ бы не скуча́я,

И шёл бы дождь всегда
Из чая!

Он уже почти не мог выговаривать слов и наклонялся набок, но всё ещё бормотал:

— А если днём она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло её донце, —
Я мог бы на себя и днём и ночью взять
Обязанности солнца!

И света и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче и моложе!
Светить и ночь и день ему не по годам, —
А это так легко для медной розы!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

— Ах, это очень мило!
Это очень лестно —
Я бы солнце потушила!
Ах, как интересно!

Но тут — крак! — развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил её, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась-покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

— Вот смотрите: люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А ча́шки, ниче́го не бо́ясь, хохо́чут и пою́т:

— Жил-был самова́р.
Ма́ленький, да пы́лкий,
И одна́жды не прикрýли
Самова́р тушй́лкой!
Был в нём си́льный жар,
А воды́ немно́го;
Распая́лся самова́р, —
Туда́ ему́ доро́га,
Туда́ и до-ро́-га-а!

УТРО

Са́мое лу́чшее в ми́ре — смотре́ть, как ро́жда́ется день!

В не́бе вспы́хнул пе́рвый луч со́лнца — ночна́я тьма тихо́нько пря́чется в ущё́лье гор и тре́щины камне́й, пря́чется в густо́й листьве́ дере́вьев, в кружева́х травы́, окроплённой росо́ю, а верши́ны горы́ улыба́ются ла́сковой улы́бкой — то́чно гово́рят мя́гким те́ням но́чи:

— Не бо́йтесь — э́то со́лнце!

Во́лны мо́ря высоко́ поднима́ют бе́лые го́ловы, кла́няются со́лнцу, как придво́рные красáвицы сво́ему́ королю́, кла́няются и пою́т.

— Приве́тствуем вас, влады́ка ми́ра!

До́брое со́лнце смеётся: э́ти во́лны всю ночь, игра́я, кружи́лись, кружи́лись, и тепе́рь о́ни та́кие рас-

трёпаные, их зелёные оде́жды измяты, ба́рхатные шлёйфы спутаны.

— До́брый день! — говори́т со́лнце, поднимаясь над мо́рем. — До́брый день, красáвицы! Но — дово́льно, ти́ше! Де́тям невозмо́жно бу́дет купа́ться, е́сли вы не переста́нете так высоко́ пры́гать! На́до, что́бы всем на земле́ было хорошо́, не пра́вда ли?

Из трёщин каме́й выбега́ют зелёные ящерицы и, мига́я со́нными гла́зками, говори́т друг дру́жке:

— Сего́дня бу́дет жа́рко!

В жа́ркий день му́хи лета́ют лени́во, ящерицам легко́ лови́ть и есть их, а съесть хоро́шую му́ху — э́то так приятно́! Ящерицы — отча́янные ла́комки.

Отягощённые росо́ю, шаловли́во пока́чиваются цветы́, то́чно дразнят и говори́т:

— Напи́шите-ка, су́дарь, о том, как мы краси́вы у́тром, в убо́ре росы́! Напи́шите-ка слова́ми ма́ленькие портре́ты цвето́в! Попро́буйте, э́то легко́ — мы та́кие просты́е...

Хи́трые шту́чки оні́! Превосхо́дно зна́ют, что невозмо́жно челове́ку описáть слова́ми их ми́лую красоту́, и — сме́ются!

Сняв почтительно́ шля́пу, я говори́ю им:

— Вы о́чень любезны́! Благодарю́ вас за честь, но — у меня́ сего́дня нет вре́мени. Потом, мо́жет быть...

Оні́ го́рдо улыба́ются, потя́гиваясь к со́лнцу, его́ лучи́ горя́т в ка́плях росы́, осыпáя лепестки́ и листьа́ блеском бриллиáнтов.

А над ними уже кружатся золотые пчёлы и осы, кружатся, жадно пьют сладкий мёд, и в тёплом воздухе льётся их густая песня:

Благословенно солнце —
Радостный источник жизни!
Благословенна работа —
Для красоты земли!

Проснулись красногрудые малиновки; стоят, покачиваясь на тонких ножках, и тоже поют свою песню тихой радости — птицы лучше людей знают, как это хорошо — жить на земле! Малиновки всегда первые встречают солнце; в далёкой холодной России их называют «зорянками» за то, что перья на грудках этих птичек окрашены в цвет утренней зари. В кустах прыгают весёлые чижы, — серенькие с жёлтым, они похожи на уличных детей, такие же озорники и так же неустанно кричат.

Гоняясь за мошками, мелькают ласточки и стрижи, точно чёрные стрелы, и звенят радостно и счастливо, — хорошо иметь быстрые, лёгкие крылья!

Вздрагивают ветви пиний — пинии похожи на огромные чаши, и кажется, что они налиты светом солнца, как золотистым вином.

Просыпаются люди, те, для которых вся жизнь — труд; просыпаются те, кто всю жизнь украшают, обогащают землю, но — от рождения до смерти остаются бедняками.

Почему?

Ты узнаешь об этом потом, когда будешь большой, если, конечно, захочешь узнать, а пока — умей любить солнце, источник всех радостей и сил, и будь весел, добр, как для всех одинаково доброе солнце.

Проснулись люди, и вот они идут на свой поля, к своему труду, — солнце смотрит на них и улыбается: оно лучше всех знает, сколько сделано людьми доброго на земле, оно когда-то видело её пустынной, а ныне вся земля покрыта великой работой людей — наших отцов, дедов, прадедов, — между серьёзным и, куда, непонятным для детей, они сделали также и все игрушки, все приятные вещи на земле — синематограф, между прочим.

Ах, онѣ превосходно работали, наши прѣдки, есть за что любить и уважать великую работу, сделанную ими всюду вокруг нас!

Над этим не мешает подумать, дѣти, — сказка о том, как люди работали на землѣ, — самая интересная сказка мира!..

На изгородях полѣй рдѣют розы, и всюду смеются цветы; многіе из них уже увядают, но все смотрят в синее небо, на золотое солнце; шелестят их бархатные лепестки, источая сладкий запах, и в воздухе, голубом, тёплом, полном благоуханий, тихо несётся ласковая пѣсня:

То, что красиво, — красиво,
Даже когда увядает;
То, что мы любим, — мы любим,
Даже когда умираем...

День пришёл!

Добрый день, дѣти, и пусть в жизни вашей будет множество добрых дней!

Я скучно написал это?

Ничего не поделаешь: когда ребёнку минет сорок лет — он становится немножко скучен.

МИША

Миша был мальчик-непоседа, ему всегда хотелось что-нибудь делать, и, если его не отпускали гулять, он целый день вертелся, как волчок, под ногами взрослых.

Каждому мальчику и девочке хорошо известно, что взрослые — народ, всегда занятый какими-то скучными делами, поэтому они ужасно часто говорят маленьким:

«Не мешайте!»

Мише особенно часто приходилось слышать это слово и от мамы, которая вечно была занята делами, и от папы, который целые дни сидел у себя в кабинете, сочиняя разные книжки, очень большие и должно быть, скучные, — Мише не давали читать эти книжки.

Ма́ма была́ о́чень хоро́шая, то́чно ку́колка, и па́па то́же, но он был похо́ж не на ку́клу, а на инде́йца.

Вот одна́жды перед весно́й, когда пого́да испо́ртилась, ка́ждый день шёл дождь и снег, гуля́ть было нельзя́ и Ми́ша о́собенно усе́рдно меша́л па́пе с ма́мой занима́ться дела́ми, па́па спроси́л его́:

— Слу́шай, Ми́ша, тебе́ о́чень скучно?

— Как арифме́тика! — сказа́л Ми́ша.

— Ну, возьми́ вот э́ту тетра́дку и запи́сывай в неё всё интере́сное, что с тобо́й случи́тся, понима́ешь? Это называ́ется: «дневни́к». Ты бу́дешь вести́ дневни́к!

Ми́ша взял тетра́дку и спроси́л:

— А что случи́тся интере́сное?

— Я же не зна́ю! — сказа́л па́па, заку́ривая па́пиро́ску.

— А поче́му не зна́ешь?

— Потому́ что когда́ я был ма́ленький, то пло́хо учи́лся и ко всем пристава́л с глупы́ми вопро́сами, а сам ни о чём не ду́мал, — по́нял? Ну, иди́!

Ми́ша по́нял, что па́па намека́ет на него́ и не жела́ет говори́ть с ним; он хоте́л оби́даться, Ми́ша, да уж о́чень хоро́шие глаза́ бы́ли у па́пы. Он то́лько спроси́л:

— А кто бу́дет де́лать интере́сное?

— Ты сам, — отве́тил па́па. — Уходи́, пожа́луйста, не меша́й!

Ми́ша ушёл в свою́ ко́мнату, разложи́л тетра́дку на столе́ и, подума́в, написа́л на пе́рвой страни́це:

«Ето дневнѣикъ.

Па́па дал мне хо́ршую тетра́дку. Если я бу́ду писа́ть в неё что хочú, так бу́дет интере́сное».

Написа́л, посидѣ́л немно́жко, посмотре́л ко́мнату, — всё в ней тако́е знако́мое.

Он встал и отпра́вился к па́пе. Па́па встрѣ́тил его́ нелюбе́зно.

— Ты, брат, о́пять яви́лся?

— Смотри́, — сказа́л Ми́ша, подава́я тетра́дку, — вот я уж написа́л. Так на́до?

— Так, так, — торопли́во сказа́л па́па. — То́лько «э́то» пи́шется че́рез «э», и не «хо́ршую», а «хоро́шую», — иди́!

— А что на́до ещё писа́ть? — спрóсил Ми́ша, подúмав.

— Всё, что хо́чешь! Вы́думай что́-нибудь и пиши́... стихи́ пиши́!

— Кото́рые стихи́?

— Не кото́рые, а сам сочи́ни! Отста́нь, пристава́ла!

Па́па взял его́ за́ руку, вы́вел за дверь и плóтно закры́л её. Это уж бы́ло неве́жливо, и тепе́рь Ми́ша оби́делся. Придя́ к себе́, он сно́ва сел за стол, разверну́л тетра́дь и стал ду́мать: «И чего́ бы ещё написа́ть?» Бы́ло скúчно. Ма́ма счита́ет бельё в столо́вой; в ку́хню, где всегда́ интере́сно, не ве́ля́т ходи́ть, а на у́лице — дождь и тумáн.

Бы́ло у́тро, че́тверть деся́того, Ми́ша посмотре́л на часы́ и вдруг тихóнько усмехну́лся, а потóм написа́л:

На стене висят часы,
У них стрелки, как усы.

Он очень обрадовался, что у него вышли стихи;
вскочил и побежал в столовую, крича:

— Мам, мам, я стихи сочинил, смотри-ка!

— Девять, — сказала мама, перекладывая салфетки. — Не мешай. Десять, одиннадцать...

Миша обнял её одной рукой за шею, а другой поднёс тетрадку прямо к носу ей.

— Да мама же! Ты посмотри...

— Двенадцать, — о, господи! Ты меня свалишь на пол...

Она́ всё-таки взяла́ тетра́дку, прочита́ла стихі́ и огорчи́ла Ми́шу, сказа́в:

— Ну, э́то, наве́рное, па́па тебе́ подсказа́л, а во-вторых, «на стене́» пи́шется че́рез ять¹ в обо́их слúчаях.

— И в стиха́х че́рез ять? — печа́льно спроси́л Ми́ша.

— Да, да, в стиха́х, — не меша́й мне, пожа́луйста; иди́, занима́йся!

— Чем?

— Ах! Ну, пиши́ стихі́ да́льше...

— А как на́добно да́льше?

— Приду́май сам. Ну, висят часы́, они́ тика́ют звúчно... и ещё что́-нибудь, вот и бу́дут стихі́.

— Хорошо́, — сказа́л Ми́ша и покóрно ушёл к себе́. Там он написа́л о часа́х ма́мины слова́:

Часы́ тика́ют звúчно,
но да́льше ниче́го не мог приду́мать, а уж как ста-
ра́лся, да́же подборóдок себе́ выпачкал черни́лами, не
то́лько па́льцы.

И вдруг, — как бу́дто кто́-то подсказа́л ему́, — он приду́мал четвёртую строку́:

А мне всё-таки скúчно!

Это пра́вда: Ми́ше бы́ло о́чень скúчно, но когда́ он написа́л четвёртую строку́, то ему́ от ра́дости да́же жа́рко ста́ло.

¹ Ять — назва́ние бу́квы «Ѣ», обознача́вшей о́собый звук, впо́слéдствии совпа́вший с «е».

Он вскочил и стремглав помчался к папе, но папа — хитрый человек! — запер дверь кабинета. Мisha постучал.

— Кто там? — спросил папа из-за двери.

— Открой скорее, — горячо сказал Мisha, — это я. Я стихи написал, очень ловко.

— Поздравляю, продолжай, — пробормотал папа.

— Так я хочу прочитать тебе!

— После прочитаешь...

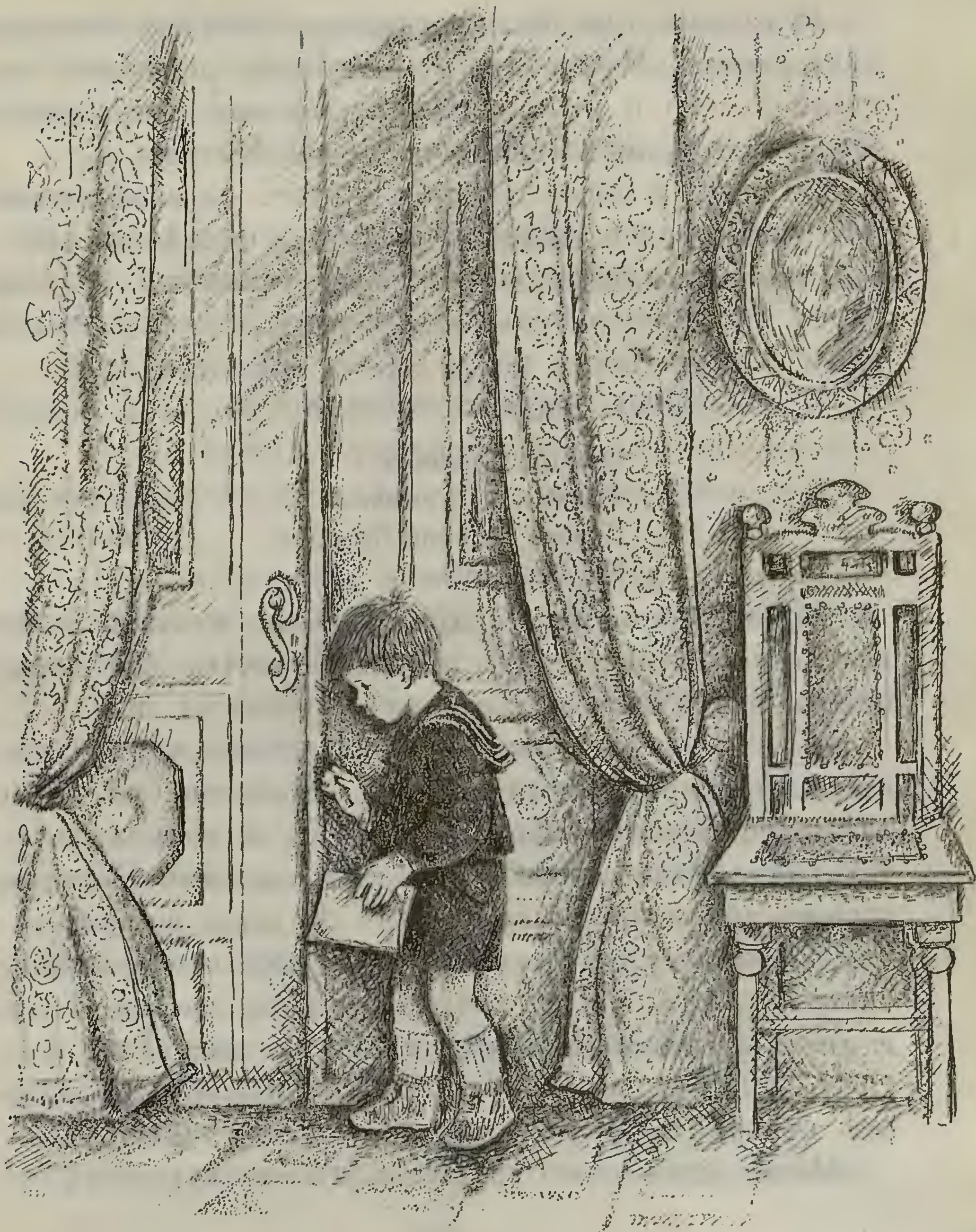
— Я сейчас хочу!

— Миска, отстань!

Мisha наклонился к скважине дверного замка и прочитал стихи, но вышло так, как будто он в колодез кричал, — папа не ответил ему.

Это окончательно обидело Мишу, он снова тихонько ушёл в свою комнату, минуту постоял у окна, прижав лоб к холодному стеклу, а потом сел за стол и начал писать то, что думал.

«Папа обманул меня, что если писать дневник, так будет интересно, — ничего не будет. Это он, чтобы я ему не мешал. Уж я знаю. Когда мама сердится, он называет маму злая курица, а сам тоже. Вчера я играл в кегли его серебряным портсигаром, так он рассердился получше мамы. А сам говорит. Они оба такие. Когда Нина Петровна, которая поёт, разбила чашку, так они сказали: это ничего и пустяки, а когда я чего-нибудь разбиваю, так они говорят сто слов».

Вспомнив, как несправедливо обращаются с ним папа и мама, Миша едва не заплакал, так жалко ему стало и себя и папу с мамой; оба они такие хорошие, а с ним не умеют хорошо вести себя.

Он встал и снова подошёл к окну: на карнизе сидел, ощипываясь, мокрый воробей. Миша долго смотрел, как он прихорашивается, разглаживая жёлтым носом русые свои перья, около носа они заёршились у него, точно усы у папы.

Потом Миша подумал стихами:

Ножки у птички
Тонкие, как спички.
Глазки — точно бусинки,
Русенькие усики.

Дальше стихами не думалось, но и этого было достаточно. Миша почувствовал гордость собою, побежал к столу, записал стихи и приписал ещё:

«Стихи писать очень просто, нужно только посмотреть на что-нибудь, вот и всё, а они уж сами сложатся. Пускай папа не форсит, я тоже захочу, так буду писать книжки, да ещё стихами. Научусь ставить знаки препинания и ять где надо, вот и буду. Рама, мама, упряма, дама. Из этого тоже можно сделать стихи, а я не хочу. Я не буду писать стихи и дневник тоже. Если вам не интересно, так и мне тоже, и не надо заставлять меня писать. И, пожалуйста, не приставайте ко мне».

Мише стало так грустно, что он чуть-чуть не

запла́кал, но в э́то вре́мя пришла́ учи́тельница Ксе́-
ния Ива́новна, ма́ленькая, румя́ная, с жемчу́жными
ка́пельками тумана́ на бровя́х.

— Здра́вствуй, — сказа́ла она́. — Отчегó ты тако́й
наду́тый?

Ми́ша ва́жно нахму́рил бро́ви.

— Не меша́йте мне! — проговори́л он па́пиным
го́лосом и написа́л в тетра́дке:

«Па́па называ́ет учи́тельницу курно́сенькой дев-
чу́шкой и что ей ещё на́до в ку́клы игра́ть».

— Что с тобо́й? — удиви́лась учи́тельница, расти-
ра́я ку́кольными ла́пками свои́ ро́зовые ще́ки. — Что
ты пи́шешь?

— Нельзя́ сказа́ть, — отве́тил Ми́ша. — Э́то па́па
велел́ написа́ть дневни́к и всё интере́сное, о чём я
ду́маю. Обо всём.

— Что же ты придума́л интере́сного? — спроси́ла
учи́тельница, загляну́в в тетра́дку.

— Ещё́ ничегó нет, то́лько стихи́, — сказа́л Ми́ша.

— Оши́бок-то, оши́бок! — воскли́кнула учи́тель-
ница. — Стихи́, да. Ну, э́то, коне́чно, па́па сочи́л,
а не ты...

Ми́ша сно́ва оби́делся: что тако́е? Никто́ не ве́рит
ему́! И сказа́л учи́тельнице:

— Если так, тогда́ я не бу́ду занима́ться!

— Э́то почему́?

— Потому́, что не бу́ду!

Тут учи́тельница прочита́ла то, что Ми́ша написа́л

о ней, покраснела, взглянула в зеркало и тоже обиделась:

— Ах ты, и про меня написал, вот как! Это правда, что папа говорит?

— Вы думаете, он вас боится? — спросил Миша.

Учительница подумала, ещё раз взглянула в зеркало и сказала:

— Так не хочешь заниматься?

— Нет.

— Хорошо. Пойдучу спрошу, как посмотрит на это мама.

Она ушла.

Миша посмотрел вслед ей и стал писать:

«Я накаривничал Ксении Ивановне, как мама папе, пусть она не пристаёт и не мешает. Если меня никто не любит, то всё равно. Потом я извинюсь перед учительницей и тоже запишу в тетрадку. И буду писать целый день, как папа, и никто меня не увидит. И обедать не буду никогда, даже когда на сладкое печёные яблоки. Не буду ночью спать, всё пишу-пишу, и пусть мама утром говорит мне, как папе, что я изведусь и у меня будут нервы. И плачет. А мне всё равно. Если меня никто не любит, так уж всё равно».

Он едва успел дописать, как в комнату вошла мама с Ксенией Ивановной; мама молча взяла у него тетрадку, и её милые глаза, улыбаясь, стали читать Мишины мысли.

— Гóсподи, — тихóнько восклiкнула она́. — Ах, какóй... Нет, э́то ну́жно показáть отцú!

Она́ ушла́ с тетра́дкой в рука́х.

«Нака́жут!» — подúмал Мiша и спросiл учiтельницу:

— Ная́бедничали?

— Но е́сли ты не слúшаешься...

— Я не ло́шадь, чтóбы слúшаться...

— Мiша! — вскрича́ла учiтельница, но Мiша серди́то продолжа́л:

— Я не могу́ учiться и дúмать обо всём и всё запи́сывать...

Он мог бы сказа́ть ещё́ мно́гое, но вошла́ го́рничная и сказа́ла, что его́ зовёт па́па.

— Слу́шай-ка, брат! — заговорiл па́па, приде́рживая ладо́нью усы́, чтóбы онi не шевели́лись, а в друго́й руке́ зажа́в Мiшину тетра́дку, — подi-ка сюда́!

Па́пины се́рые глаза́ светiлись ве́село, а ма́ма лежа́ла на дива́не, уткну́в го́лову в кúчу ма́леньких поду́шек, и плéчи её дрожа́ли, как бúдто она́ смея́лась.

«Не нака́жут», — догада́лся Мiша.

Па́па поста́вил его́ перед собóй, сжал колéнями и, приподня́в па́льцем Мiшин подборóдок, спросiл:

— Ты капри́зничаете́шь, да?

— Да, капри́зничаю, — созна́лся Мiша.

— А заче́м э́то?

— Так.

— Ну, все́-таки заче́м?

— Да я не зна́ю, — сказа́л Ми́ша, поду́мав. — Ты не обра́щаешь на меня́ внима́ния, ма́ма то́же не обра́щет и учи́тельница то́же... нет, она́ не то́же, — она́ пристаёт!

— Ты оби́делся? — тихо́нько спроси́л па́па.

— Ну да, оби́делся, коне́чно...

— А ты не обижа́йся! — дру́жески посоветова́л па́па. — Это не я тебя́ обижа́ю и не ма́ма, — ви́дишь она́ хохóчет тихо́нько, валя́ясь на дива́не? И мне то́же смешно́, да я уж пото́м похóхочу́...

— А поче́му смешно́? — спроси́л Ми́ша.

— Я тебе́ скажу́ поче́му, то́лько по́сле.

— Нет, поче́му? — наста́ивал Ми́ша.

— Да, ви́дишь ли, ты у нас о́чень смешно́й!

— Ну-у, — недове́рчиво сказа́л Ми́ша.

Па́па посади́л его́ на колéни себе́ и сказа́л, пощекотáв за́ ухом:

— Дава́й говори́ть серьёзно, ла́дно?

— Ла́дно, — согласи́лся Ми́ша и нахму́рил брóви.

— Никто́ тебя́ не обижа́л, э́то плоха́я пого́да обижа́ет тебя́, по́нял? Была́ бы хоро́шая пого́да, со́лнце, весна́, ты бы гуля́л, и всё бы́ло бы хорошо́! А в дневни́ке ты чепуху́ написа́л...

— Сам велéл, — сказа́л Ми́ша, пожима́я плеча́ми.

— Ну, брат, чепуху́ писа́ть я тебя́ не проси́л!

— Мо́жет, не проси́л, — согласи́лся Ми́ша. — Я уж не по́мню. А у меня́ чепуха́ вы́шла?

— Вы́шла, брат! — сказа́л па́па, кача́я голово́й.

— А у тебя, когда ты пишешь, тоже чепуха выходит? — спросил Мisha.

Мама вскочила с дивана и убежала, точно у неё кофе перекинул, она даже зафыркала, как фыркает кипящий кофейник. Мisha понял, что это она смеётся, но только не хочет показать, что ей смешно.

Эти взрослые — тоже порядочные притворяшки.

Папе тоже хотелось смеяться, он надул щёки до красна, оцетинил усы и фыркнул носом.

— У меня, — сказал он, — тоже иногда чепуха выходит. Это очень трудно — писать, чтобы всё было хорошо и правдиво. Стишки ты придумал неплохо, а всё остальное не годится.

— Почему? — спросил Мisha.

— Сердито очень. Ты у меня — критик, а я не знал этого, — ты всех критикуешь. Это нужно начинать с себя самого, ты сначала себя хорошенько раскритикуй. А то и этого не надо, давай лучше бросим писать дневник.

Раскрашивая красным и синим карандашом папину бумагу, Мisha сказал:

— Давай бросим, а то это тоже скучно, как учиться. Только ты сам ведь придумал это, — ты сказал: «Пиши, будет интересно». Я и стал писать, а ничего не случилось. Слушай-ка, можно сегодня не учиться?

— Почему? — спросил папа.

— Я лучше почитаю с Ксенией Ивановной.

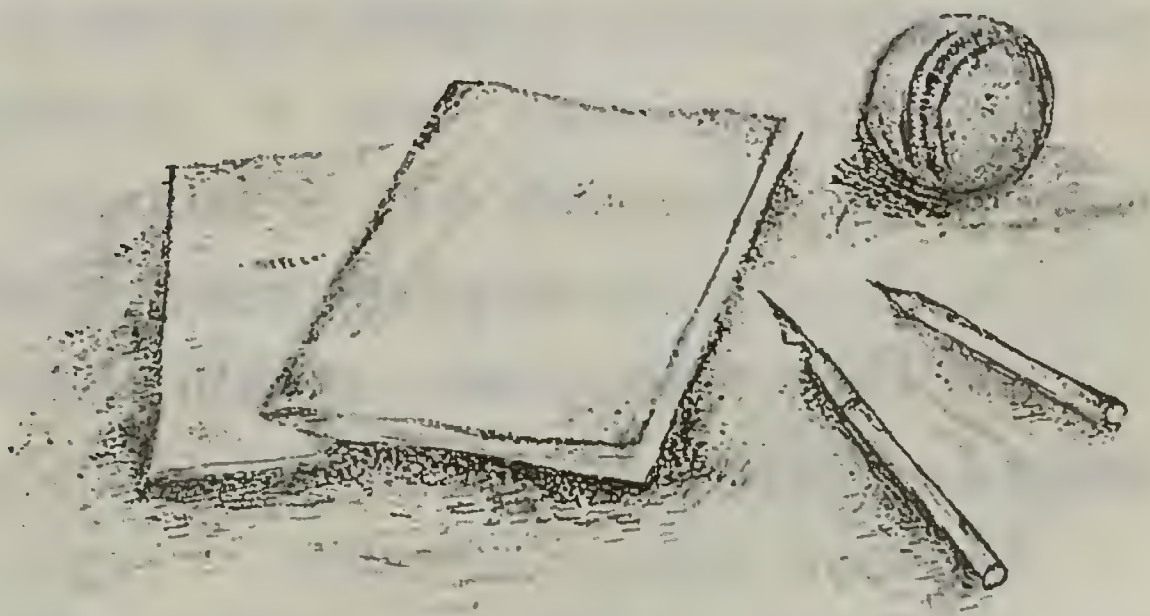
— Мόжно не уч́иться, — в́есело согласи́лся па́па. — То́лько нам с тобо́й на́добно изви́ниться перед учи́тельницей, а то мы наговори́ли и написа́ли про неё не... ла́дно!

Па́па встал и, ведя́ Ми́шу за́ руку в его́ ко́мнату, тихо́нько сказа́л:

— Конéчно, э́то пра́вда, что она́ немно́жко курно́сенькая, но лу́чше не напоми́нать ей об э́том. Э́того, брат, не испра́вишь слова́ми, и нос на всю жизнь даётся тот и́ли ино́й. Вот у теб́я весну́шки на носу́ и по всей ро́жице, — ла́дно ли бу́дет, е́сли я теб́я ста́ну звать пе́стреньким?

— Нела́дно, — согласи́лся Ми́ша.

На э́том и конча́ется благополу́чная исто́рия о том, как Ми́ша писа́л дневни́к.

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был Ива́нушка-дурачо́к, собо́ю красáвец, а что ни сде́лает, всё у него́ смешно́ выхо́дит, не так, как у люде́й.

На́нял его́ в рабо́тники оди́н мужи́к, а сам с же́но́й собра́лся в го́род; же́на́ и говори́т Ива́нушке:

— Оста́нешься ты с детьмí, гляди́ за нíми, накорми́ их!

— А чем? — спра́шивает Ива́нушка.

— Возьми́ воды́, муки́, карто́шки, покроши́ да свари́ — бу́дет похле́бка.

Мужи́к прика́зывает:

— Дверь стереги́, что́бы де́ти в лес не убежа́ли!

Уе́хал мужи́к с же́но́й; Ива́нушка влез на пола́ти, разбуди́л дете́й, стащи́л их на́ пол, сам сел сза́ди их и говори́т:

— Ну вот, я гляжѹ за ва́ми!

Посидѣли дѣти нѣкоторое вре́мя на полу́, — за-проси́ли есть; Ива́нушка втащи́л в избѹ ка́дку во́ды, насы́пал в неё полмешка́ мукѣ́, ме́ру карто́шки, раз-болта́л всё коромы́слом и ду́мает вслух:

— А кого́ кроши́ть на́до?

Услыха́ли дѣти — испуга́лись:

— Он, пожа́луй, нас искро́шит!

И тихо́нько убежа́ли вон из избѹ́.

Ива́нушка посмотре́л вслед им, почеса́л заты́лок, — сообража́ет:

— Как же я тепе́рь гляде́ть за ни́ми бу́ду? Да ещё дверь на́до стере́чь, чтобѹ́ она́ не убежа́ла!

Загляну́л в каду́шку и говори́т:

— Варѣ́сь, похле́бка, а я пойду́ за детьми́ гля-де́ть!

Снял дверь с পে́тель, взвали́л её на́ плечи себе́ и поше́л в лес; вдруг навстрѣ́чу ему́ медве́дь шага́ет — удиви́лся, рычи́т:

— Эй, ты, заче́м де́рево в лес несёшь?

Рассказа́л ему́ Ива́нушка, что с ним случи́лось, — медве́дь сел на за́дние ла́пы и хохоче́т:

— Экой ты дурачо́к! Вот я тебя́ съем за э́то!

А Ива́нушка говори́т:

— Ты лу́чше дете́й съешь, чтоб онѹ́ в друго́й раз отца́-ма́тери слѹ́шались, в лес не бе́гали!

Медве́дь ещё сильне́й смеётся, так и ката́ется по земле́ со́ смеху!

— Никогда́ тако́го глупо́го не ви́дал! По́йдём, я теб́я́ же́не́ сво́ей пока́жy!

Повёл его́ к себ́е в берло́гу. Ива́нушка идёт, дв́ерью за со́сны задева́ет.

— Да брось ты её! — говори́т медве́дь.

— Нет, я сво́ему сло́ву ве́рен: обеща́л сбере́чь, так уж устере́гу!

Пришли́ в берло́гу. Медве́дь говори́т же́не́:

— Гляди́, Ма́на, како́го я теб́е дурачка́ привёл! Смехота́!

А Ива́нушка спра́шивает медве́дицу:

— Тётя, не ви́дала ребя́тишек?

— Мо́й — до́ма, спят.

— Ну́-ка, пока́жи, не мо́й ли э́то?

Показа́ла ему́ медве́дица трёх медвежа́т; он говори́т:

— Не э́ти, у меня́ дво́е бы́ло.

Тут и медве́дица ви́дит, что он глупе́нький, то́же смеётся:

— Да ведь у теб́я́ челове́чьи де́ти бы́ли!

— Ну да, — сказа́л Ива́нушка, — разберёшь их, ма́леньких-то, ка́кие чьи!

— Вот забавный! — удиви́лась медве́дица и говори́т му́жу:

— Миха́йло Пота́пыч, не ста́нем его́ есть, пусть он у нас в рабо́тниках живёт!

— Ла́дно, — согласи́лся медве́дь, — он хоть и челове́к, да уж бо́льно безобидный!

Дала́ медвѣдица Ива́нушке луко́шко, прика́зывает:

— Поди́-ка набери́ мали́ны лесно́й, — дети́шки просну́тся, я их вку́сненьким угощу́!

— Ла́дно, э́то я могу́! — сказа́л Ива́нушка. — А вы дверь постереги́те!

Пошёл Ива́нушка в лесно́й мали́нник, набра́л мали́ны по́лное луко́шко, сам до́сыта нае́лся, идёт наза́д к медвѣ́дям и поёт во всё го́рло:

Эх, как нелóвки
Бо́жии корóвки!
То ли де́ло — муравьи́
Или ящерицы!

Пришёл в берло́гу, кричи́т:

— Вот она́, мали́на!

Медвежа́та подбежа́ли к луко́шку, рыча́т, толка́ют друг дру́га, кувырка́ются, — о́чень ра́ды!

А Ива́нушка, глядя́ на них, говори́т:

— Эхма́, жаль, что я не медвѣ́дь, а то и у меня́ де́ти бы́ли бы.

Медвѣ́дь с жено́й хохóчут.

— Ой, ба́тюшки мой! — рычи́т медвѣ́дь. — Да с ним жить нельзя́, со́ смеху помрёшь!

— Вот что, — говори́т Ива́нушка, — вы тут постереги́те дверь, а я пойду́ ребя́тишек иска́ть, не то хозя́ин зада́ст мне!

А медвѣди́ца про́сит му́жа:

— Ми́ша, ты бы помо́г ему́!

— На́до по́мочь, — согласи́лся медве́дь, — уж
о́чень он смешно́й!

Пошёл медве́дь с Ива́нушкой лесны́ми трóпами,
иду́т — разгово́ривают по-приятельски.

— Ну и глúпый же ты! — удиви́ается медве́дь,
а Ива́нушка спра́шивает его́:

— А ты — у́мный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не зна́ю.

— И я не зна́ю. Ты — злой?

— Нет. За́чем?

— А по-мо́ему — кто зол, тот и глуп. Я вот то́же
не злой. Ста́ло быть, о́ба мы с тобо́й не дураки́ бу́дем.

— Ишь ты, как вѣвел! — удивѣлся медвѣдь.

Вдруг — вѣдят: сидѣтъ под кустомъ двое дѣтей, усну́ли.

Медвѣдь спрашиваетъ:

— Это твой, что ли?

— Не знаю, — говоритъ Ива́нушка, — надо спроси́ть. Мой — есть хоте́ли.

Разбудили дѣтей, спрашиваютъ:

— Хотите есть?

Те крича́тъ:

— Давно́ хотѣ́м!

— Ну, — сказа́л Ива́нушка, — значить, это и есть мой! Тепѣрь я поведу́ их в дере́вню, а ты, дѣдѣ, принеси́, пожа́луйста, дверь, а то самому́ мне некогда, мне ещё надо́бно похлѣбку вари́ть!

— Уж ла́дно! — сказа́л медвѣдь. — Принесу́!

Иде́тъ Ива́нушка сзади дѣтей, смóтрит за ними, как ему́ прика́зано, а сам поётъ:

Эх, вот так чудеса́!

Жуки́ ловятъ зайца.

Под кустомъ сидѣтъ лиса́,

Очень удивля́ется!

Прише́л в избѹ́, а уж хозя́ева из го́рода воротѣ́лись, вѣдят: посреди́ избѣ́ кадѹшка стои́тъ, до́верху водо́й налита́, карто́шкой насы́пана да муко́й, дѣтей нет, дверь то́же пропа́ла, — се́ли онѣ́ на ла́вку и пла́чут го́рько.

— О чём плачете? — спросил Ива́нушка.

Тут увидали оні дете́й, обрадовались, обнима́ют их, а Ива́нушку спра́шивают, показывая на его́ стряпню́ в ка́дке:

— Это чего́ ты наделе́л?

— Похле́бку!

— Да ра́зве так на́до?

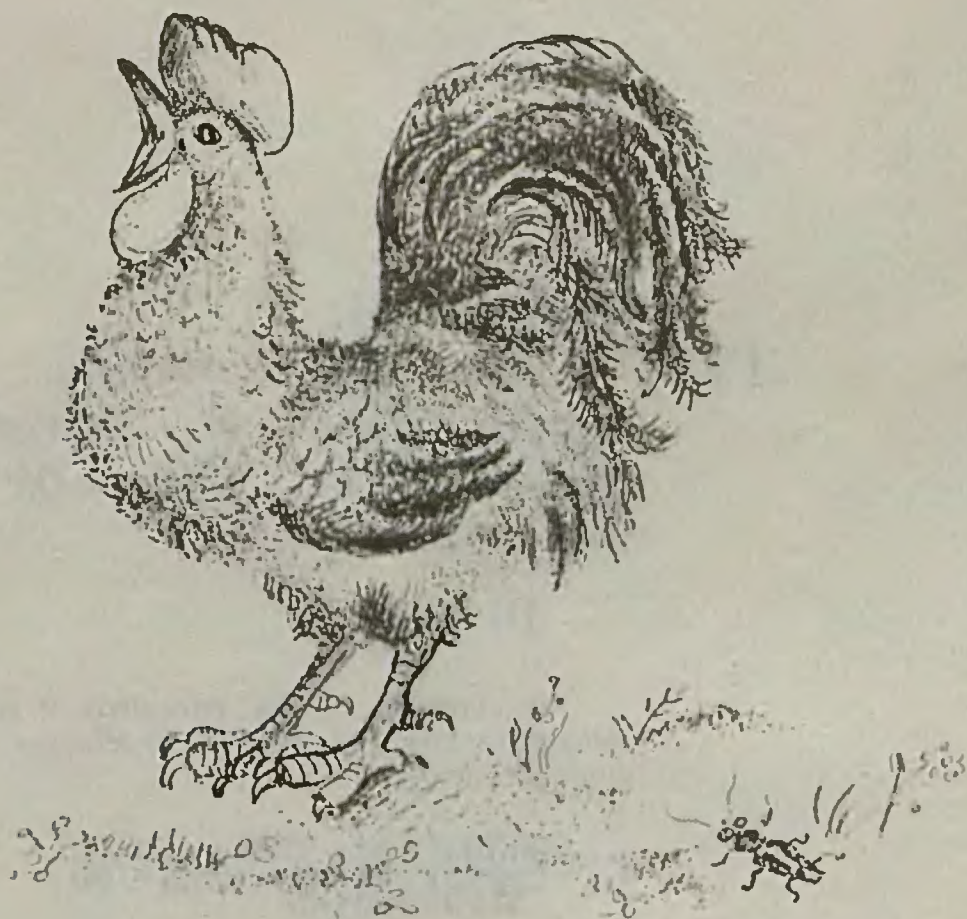
— А я поче́му зна́ю — как?

— А дверь куда́ дева́лась?

— Сейча́с её прине́сут, — вот она́!

Выглянули хозя́ева в окно́, а по у́лице идёт медве́дь, дверь та́щит, наро́д от него́ во все сто́роны бежи́т, на кры́ши лезут, на дере́вья; соба́ки испуга́лись — завязли, со стра́ху, в плетня́х, под воро́тами; то́лько оди́н ры́жий пету́х хра́бро стои́т среди́ у́лицы и кричи́т на медве́дя:

— Ки́ну в реку́-у!..

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Приходько «Милый Максим Горький... пришли мне сказку...»</i>	3
<i>Воробьишко</i>	13
<i>Случай с Евсейкой</i>	18
<i>Самовар</i>	27
<i>Утро</i>	36
<i>Миша</i>	41
<i>Про Иванушку-дурачка</i>	56

Горький М.

Г71 Жил-был самовар...: Рассказы, сказки/Сост. и вступ. статья В. Приходько; Рис. Л. Гармызы.— М.: Дет. лит., 1985.—64 с. ил. (Школьная б-ка для нерусских школ.).

10 коп.

В сборник вошли рассказы и сказки, написанные для детей и о детях: «Воробьишко», «Случай с Евсейкой», «Самовар», «Утро», «Миша», «Про Иванушку-дурачка».

Г 4803010101—039 225—85
М101(03)85

Р2

М

1002
~~10~~ коп.

- ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Максим Горький

ЖИЛ-БЫЛ САМОВАР...

ИБ № 7990

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *М. В. Гагарина*. Корректор *Л. М. Письман*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.12.84. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 5,27. Уч.-изд. л. 2,68. Тираж 150 000 экз. Заказ № 110. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

